



Влад Генделев

Последняя ночь Боголюбова

Влад Генделев

Последняя ночь Боголюбова

<https://litres.ru/74215907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 1174 года. Владимиро-Суздальское княжество стоит на пороге великих перемен. В Боголюбове, любимой резиденции князя Андрея Боголюбского, происходит череда загадочных смертей. Несчастные случаи, странные исчезновения и таинственные знаки складываются в узор, за которым скрывается тщательно подготовленный заговор.

В мире, где клятва порой сильнее закона, а верность становится опаснее измены, Алексею Варягу предстоит выяснить, можно ли раскрыть преступление, если предательство скрывается рядом с теми, кому доверяешь больше всего.

«Последняя ночь Боголюбова» — исторический детектив с элементами психологической драмы, основанный на одной из самых загадочных страниц русской истории. Это роман о власти и совести, о дружбе и предательстве, о цене верности и о том, что далеко не на каждый вопрос прошлое готово дать окончательный ответ.

Влад Генделев

Последняя ночь

Боголюбова

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ БОГОЛЮБОВА

Пролог

«Всякая великая тайна начинается не с преступления, а с молчания.»

Ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое июня лета 6682 года от сотворения мира...

Боголюбово, Великое Суздальско – Владимирское княжество.

Ночь была необычайно тихой.

Над поймой Нерли медленно поднимался белесый туман, скрывая луга и ивняки. Луна, похожая на тонкий серебряный серп, едва пробивалась сквозь редкие облака. Лишь изредка где-то за крепостным валом лениво перекликались сторожевые рожки, напоминая дозорным, что до рассвета еще далеко.

Белокаменный дворец князя Андрея Юрьевича, сына Юрия Долгорукова и внука Владимира Мономаха, возвышался над темной землей словно корабль посреди неподвижного моря. Его стены, освещенные мерцающими факелами,

казались почти живыми. Длинные тени скользили по аркам и галереям, будто кто-то бесшумно переходил из одного конца дворца в другой.

Но дворец не спал. В эту ночь бодрствовали многие. Одни молились, другие ждали, третьи уже сделали выбор, от которого нельзя было отказаться.

За массивными дубовыми дверями княжеской палаты Андрей Юрьевич Боголюбский стоял у узкого окна. Он давно снял тяжелый кафтан и остался в простой льняной рубахе. Перед ним, далеко за стенами, темнели поля, река и лес. Он смотрел туда, где исчезала дорога на Владимир.

Старый воин редко доверял людям. За последние годы он привык искать опасность не среди врагов, а среди своих.

Он пережил десятки походов, разбил волжских булгар, покорил непокорных князей, возвысил Владимир над древним Киевом. Но чем выше становилась его власть, тем больше становилось тех, кто желал увидеть его мертвым.

Князь медленно перекрестился.

— Господи... если близок мой час, даруй мне увидеть ложь прежде меча.

Ответом была лишь ночная тишина.

В это самое время, в нижних сенях дворца, человек в темном плаще остановился перед тяжелой дубовой дверью.

Он долго прислушивался. Потом трижды негромко постучал. Не кулаком. Костяшками пальцев. Два удара. Пауза. Еще один.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель могло пройти человеческое лицо.

— Все здесь? — спросил человек шепотом.

Из темноты ответили:

— Почти.

— А меч?

После короткого молчания прозвучало:

— Там, где князь его уже не найдет.

Человек удовлетворенно кивнул и вошел. Дверь бесшумно закрылась. Во дворце снова стало тихо. Так тихо, что казалось, будто сама ночь задержала дыхание. До рассвета оставалось меньше трех часов.

Глава первая

Человек, который слишком много знал.

«Когда город перестает бояться внешнего врага, он начинает выращивать врага внутри своих стен.»

Боголюбово.

Лето 1174 года.

Алексей Варяг не любил людей, которые приходили ночью. Днем человек всегда оставался человеком. Его можно было рассмотреть: как он идет, как держит руки, как смотрит, как говорит. Ночью же все менялось. Ночь делала из честного купца разбойника, из монаха — шпиона, из друга — предателя. Алексей знал это не по книгам. Он слишком много раз видел людей в темноте. Последний раз — под сте-

нами Доростола, когда его товарищи клялись друг другу в верности, а через час трое из них открыли ворота врагу. С тех пор Алексей больше всего не доверял клятвам, особенно произнесенным шепотом.

Алексею шел тридцать седьмой год. При княжеском дворе его почти никто не называл по имени. Для дружины, бояр и даже самого князя он давно стал просто Варягом.

Немногие знали, что прозвище это досталось ему не по крови. Его отец, дружинник Боримир, погиб еще при Юрии Долгоруком, прикрывая собой князя во время одного из походов. Осиротевшего мальчика взял на воспитание старый воин по имени Эймунд — седой варяг, пришедший на Русь из северных земель еще в молодости и прослуживший нескольким князьям. Он давно говорил по-русски почти без акцента, редко вспоминал далекую родину и считал своим домом владимирскую землю.

Эймунд научил мальчика всему, что умел сам. Он обучал его не только владению мечом, копьем и боевым топором, но и искусству видеть то, чего не замечают другие. Старик мог часами заставлять ученика рассматривать отпечатки копыт на влажной земле, искать различия между следами сапог, замечать обломанную ветку или едва различимый клочок ткани на колючем кустарнике.

— След никогда не лжет, — любил повторять Эймунд. — Лжет только человек, который его оставил.

Эти слова Алексей запомнил на всю жизнь.

После смерти наставника дружинники, желая почтить память старого северянина, стали называть его воспитанника Варягом. Со временем настоящее имя почти исчезло из разговоров, а прозвище осталось навсегда.

Годы сделали Алексея одним из лучших воинов княжеской дружины. Высокий, широкоплечий, с темно-русыми волосами, в которых уже серебрилась ранняя седина, и спокойными серыми глазами, он редко говорил без необходимости. В бою действовал быстро и решительно, но те, кто хорошо его знал, понимали: главная сила Варяга заключалась вовсе не в мече.

Он умел наблюдать.

Пока другие слышали слова, Алексей замечал взгляды. Пока одни искали виновного, он искал причину. Там, где остальные видели случайность, он находил закономерность.

Именно это однажды спасло жизнь князю Андрею Боголюбскому.

Несколько лет назад во время объезда владимирских земель на князя готовилось покушение. Все были уверены, что засаду устроили половцы. Уже собирали дружину для погони, когда Алексей заметил то, на что никто не обратил внимания: следы всадников вели не из леса к княжескому стану, а, напротив, выходили из самого лагеря.

Покушение готовили свои.

Он не прибегал к пыткам и не требовал поспешных казней. День за днем сопоставлял свидетельства, проверял каж-

дую мелочь и наконец вывел на человека, которому доверяли почти все. Заговор был раскрыт еще до того, как убийцы успели нанести удар.

С тех пор князь стал поручать Варягу самые трудные и самые деликатные дела.

Однажды после окончания расследования Андрей Боголюбский сказал ему слова, которые Алексей запомнил лучше всякой награды:

— Ты ищешь не виновного. Ты ищешь истину. Таких людей возле князей немного.

Доверие князя принесло ему уважение простых дружинников, но породило и немало врагов. Старые боярские роды с трудом мирились с тем, что человек без громкого имени мог входить к князю без доклада, задавать неудобные вопросы и расследовать дела, в которых были замешаны самые знатные люди Владимирской земли. Одни называли его честным слугой князя, другие — опасным выскочкой.

Сам Алексей давно перестал обращать внимание на чужие пересуды.

После смерти жены и маленького сына, которых несколько лет назад унесла моровая язва, служба стала единственным смыслом его жизни. Он больше не искал богатства, не стремился к славе и не мечтал о высоких чинах. Все, что у него осталось, — данная когда-то присяга и долг перед князем.

И, пожалуй, именно поэтому Андрей Боголюбский дове-

рял ему больше, чем многим знатным боярам. Он знал: Вараг может ошибиться, может проиграть, может погибнуть, но никогда не изменит правде ради собственной выгоды.

...

Алексей сидел у огня в небольшой избе на окраине Боголюбова и чинил ремень старого меча. Меч этот давно следовало выбросить. На лезвии были глубокие зарубины, рукоять несколько раз меняли, а кожа на ножнах стала жесткой от времени.

Но Алексей не расставался с ним. Каждая царапина напоминала о человеке, которого он потерял.

— Опять разговариваешь с железом? — спросил голос от двери.

Алексей даже не поднял головы.

— А ты опятьходишь без стука, Яков.

Человек у двери улыбнулся. Яков был писцом, на первый взгляд — обычным. Тонкие пальцы, испачканные чернилами, невысокий рост, тихий голос. Таких людей редко замечали в княжеских палатах, именно поэтому они часто знали больше всех.

— Хороший писец должен уметь открывать двери, — сказал Яков.

— А хороший воин должен уметь закрывать их.

— Ты уже не воин.

Алексей поднял глаза.

— Кто тебе сказал?

— Твои сапоги.

Он указал вниз.

— Настоящий дружинник никогда не оставляет грязь на пороге.

Алексей посмотрел на сапоги и усмехнулся.

— Значит, ты пришел не о сапогах говорить.

Яков перестал улыбаться. Он вошел и осторожно закрыл дверь. Этот жест Алексей заметил сразу. Люди закрывают двери по-разному. Одни — от холода, другие — от любопытных глаз. А третьи — потому что боятся, что кто-то услышит.

— Князь хочет видеть тебя.

Алексей молчал.

— Сейчас?

— Нет.

— Тогда зачем пришел ночью?

Яков посмотрел на него.

— Потому что днем за мной могли наблюдать.

В комнате стало тихо. Только огонь потрескивал в очаге.

— Кто?

— Не знаю.

— Врешь.

Писец вздохнул.

— Поэтому князь и хочет с тобой поговорить.

...

Алексей давно понял одну вещь: великие люди редко бо-

ятся врагов. Они боятся неизвестности.

Андрей Боголюбский был человеком, которого боялись многие. Его называли властным. Жестоким. Гордым.

Одни говорили, что он хотел сделать Владимир новой столицей Руси. Другие — что он хотел стать единственным правителем всех русских земель. Третьи шепотом говорили еще больше. Но все соглашались в одном: князь Андрей умел видеть угрозы раньше других. И если он позвал человека среди ночи — значит, угроза уже была рядом.

...

Княжеский дворец встретил их тишиной, Алексей заметил это сразу. Слишком большой порядок, слишком мало людей. В обычную ночь возле княжеских палат всегда кто-то ходил: слуги, дружинники, посыльные. Сегодня же коридоры были почти пусты.

— Где охрана? — тихо спросил Алексей.

Яков посмотрел вперед.

— Там же, где всегда.

— Нет.

Алексей остановился.

— Когда человек уверен в безопасности, он расслабляется. Когда боится — он увеличивает охрану.

— И что это значит?

— Не знаю.

Он посмотрел на темные проходы дворца.

— Но мне это не нравится.

...

В княжеской палате Андрей Боголюбский стоял у окна. Он не выглядел человеком, которого боялись. Не было ни короны, ни богатой одежды, ни показной роскоши, только усталый человек около шестидесяти лет.

— Алексей.

— Княже.

Андрей повернулся.

— Ты знаешь, почему я тебя вызвал?

— Нет.

— Хорошо.

Князь подошел к столу. На нем лежала небольшая деревянная коробка.

— Если бы ты знал, ты бы уже начал думать, как ответить правильно.

Алексей посмотрел на коробку.

— Что внутри?

— То, что не должно было существовать.

Князь открыл крышку. Внутри лежал кусок пергамента. Но не обычного. На нем не было ни княжеской печати, ни подписи. Только несколько строк.

Алексей прочитал и нахмурился.

— Это список имен.

— Да.

— Чьих?

Князь посмотрел прямо ему в глаза.

— Людей, которые хотят моей смерти.

Алексей снова взглянул на пергамент. И увидел знакомое имя. Кучкович. Он медленно поднял глаза.

— Вы уверены?

— Нет.

Ответ князя удивил его.

— Тогда зачем показываете?

Андрей Боголюбский взял пергамент обратно.

— Потому что самый опасный человек — не тот, кто знает правду.

Он бросил взгляд на дверь.

— Самый опасный тот, кто уверен, что знает.

В эту ночь Алексей Варяг впервые увидел список будущих подозреваемых. Но он еще не знал главного. Некоторые имена в этом списке были написаны не для того, чтобы найти врагов, а чтобы скрыть одного человека. Того, кто уже находился рядом.

Глава 2. След без имени

«След человека исчезает после дождя. След его поступков остается дольше человеческой жизни.»

Утро в Боголюбове наступало медленно. Туман еще держался над рекой Нерль, скрывая низкие берега и дальние леса. Колокола небольшой церкви на холме только начинали первый звон, когда Алексей Варяг уже стоял во дворе княжеского дворца.

Он не спал всю ночь. Не потому, что его тревожил список

имен. К спискам Алексей относился осторожно. Бумага терпит многое. На ней можно написать правду, можно написать ложь. А иногда — написать правду так, чтобы она стала ложью.

Его тревожил другой вопрос - кто составил этот список?

Князь Андрей сказал, что в нем находятся люди, желающие его смерти. Но кто принес этот пергамент князю? И почему именно сейчас?

Алексей снова вспомнил слова князя: «Самый опасный тот, кто уверен, что знает».

Эта фраза не давала ему покоя. Он видел сотни людей, которые боялись смерти. Но гораздо меньше видел тех, кто боялся правды.

— Ты рано встал.

Голос заставил его обернуться. Яков-писец стоял у входа во двор. В руках он держал свиток.

— А ты слишком поздно ложишься, — ответил Алексей.

Яков посмотрел на него внимательно.

— Ты нашел что-нибудь?

— Пока только вопросы.

— Это хуже?

— Нет.

Алексей посмотрел на дворец.

— Это лучше.

— Почему?

— Потому что, когда есть ответ, люди перестают искать.

Яков усмехнулся.

— Ты говоришь как монах.

— А ты как человек, который слишком много читает.

Они пошли вдоль стены.

Во дворе уже начиналась обычная жизнь. Слуги носили воду, конюхи чистили лошадей, оружейники проверяли мечи и копья. На первый взгляд все было спокойно. Но Алексей видел то, чего не замечали другие. Один дружинник слишком часто смотрел на ворота. Двое слуг разговаривали тише, чем обычно. А оружейник проверял не свое оружие, а чужие ножны.

Во дворце, где правил человек вроде Андрея Боголюбского, мелочи часто говорили больше, чем слова.

— Кто первым в списке? — спросил Яков.

Алексей остановился.

— Почему тебя это интересует?

Писец пожал плечами.

— Потому что ты смотришь так, будто уже знаешь.

— Глеб Кучков.

Яков замолчал.

— Не удивлен?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, если бы князь хотел показать тебе очевидного врага, он бы написал его первым. Ведь он один из прямых потомков Суздальского боярина Степана Кучка, каз-

ненного Юрием Долгоруким.

Алексей посмотрел на него.

— Ты считаешь, что это ловушка?

— Я считаю, что Андрей Юрьевич слишком умен, чтобы случайно положить перед человеком список...

...

Глеб Кучков жил неподалеку от Боголюбова. Его отец когда-то был одним из самых влиятельных бояр в этих землях. Но времена изменились.

Андрей Боголюбский не любил сильных бояр. Он хотел, чтобы княжеская власть была выше родовой знатности. Для одних это было справедливостью, для других — уничтожением старого порядка.

Кучковичи относились ко вторым. Когда Алексей подъехал к дому боярина, его встретили без приветствия. Двое вооруженных людей перегородили дорогу.

— Кого ищешь?

— Глеба Кучковича.

— А если он не хочет тебя видеть?

— Тогда он скажет мне это сам.

Один из воинов усмехнулся.

— Ты слишком уверен.

— Нет.

Алексей посмотрел на его меч.

— Я просто не люблю разговаривать с людьми, которые прячутся за чужими спинами.

Охранник сделал шаг вперед, но второй остановил его.

— Пусть пройдет.

Глеб Кучкович встретил Алексея в большой комнате. Он был моложе, чем Алексей ожидал. Лет сорока. Крепкий мужчина с тяжелым взглядом, не похожий на заговорщика из сказаний. Именно это Алексей отметил первым. Опасные люди редко выглядят опасными.

— Ты служил князю Андрею?

— Когда-то.

— А теперь?

— Теперь я служу правде.

Глеб рассмеялся.

— Хороший ответ для человека, который пришел обвинять меня.

— Кто сказал, что я пришел обвинять?

— Потому что других причин приходить ко мне у князя нет.

Алексей не ответил.

Глеб подошел к окну.

— Он боится.

— Кто?

— Князь.

— Ты уверен?

— Человек, который не боится, не собирает списки врагов.

Это был хороший ответ. Слишком хороший. Алексей вни-

мательно посмотрел на него.

— Ты ненавидишь князя?

Глеб не отвернулся.

— Да.

Ответ прозвучал спокойно. Без попытки оправдаться.

— За что?

— За моего отца.

В комнате стало тихо.

— Князь унижал старых бояр. Отнимал земли. Ломал обычаи, которые существовали сотни лет.

— Значит, у тебя есть причина желать его смерти.

Глеб улыбнулся.

— Причина есть у половины людей в этом княжестве.

Он подошел ближе.

— Но желание и действие — разные вещи.

— Где ты был прошлой ночью?

Вопрос повис между ними. Глеб долго смотрел на него.

Потом сказал:

— Вот зачем ты пришел.

— Где ты был?

— Дома.

— Кто может это подтвердить?

— Моя семья.

— Это не свидетельство.

— Для тебя?

Глеб усмехнулся.

— Или для князя?

Алексей ничего не ответил. Он уже собирался уходить, когда заметил на столе небольшой предмет. Серебряную застежку. На ней был изображен знак. Косой крест. Тот же, что он видел на монете у переправщика.

Алексей остановился. Глеб заметил его взгляд.

— Что-то заинтересовало?

— Нет.

Слишком быстро ответил Алексей. И понял, что ошибся. Глеб это заметил.

...

Когда Алексей вышел из дома Кучковича, он долго не сидел на коня. Перед ним было два факта.

Первый: Глеб Кучкович имел сильнейший мотив.

Второй: он лгал.

Но была одна вещь, которая беспокоила Алексея больше всего. Если Глеб действительно готовил заговор... Зачем показывать ему знак, который мог выдать его?

...

Вечером того же дня в княжеской палате Андрей Боголюбский получил еще одну весть. Не от бояр, не от дружинников, а от человека, которого никто не подозревал. Посланник принес маленькую деревянную коробку. Внутри лежал кусок пергамента. Только теперь на нем были другие имена. И среди них было имя самого Алексея Варяга...

Глава 3

Второй список

«Не всякий скрывает лицо потому, что стыдится. Иногда лицо скрывают те, кого слишком многие знают.»

Княжеский дворец просыпался вместе с солнцем. Первые лучи скользнули по белому камню, осветили узкие окна, деревянные галереи и высокие кровли. Слуги торопились по своим делам, неся воду, хлеб и охапки дров. Казалось, жизнь текла своим чередом, и лишь человек, проживший при дворе не один год, мог заметить, что привычный порядок едва уловимо изменился.

Алексей замечал. Слишком многие стали говорить шепотом. Слишком часто люди оглядывались. И слишком многие замолкали, стоило ему приблизиться.

Он остановился у конюшни, погладил своего коня по шее и задумчиво посмотрел на двор. Ему не давал покоя последний вечер. Имя Глеба Кучковича лежало на первом месте в княжеском списке. Застежка с косым крестом оказалась у него на столе. Все словно указывало в одну сторону. Именно поэтому Алексей не верил ни единому из этих совпадений.

За долгую службу он усвоил простую истину, если улики лежат слишком близко друг к другу, значит, кто-то специально сложил их в одну кучку.

— Ты уже слышал?

Голос принадлежал молодому дружиннику Степану. Парень был совсем еще молод, с едва пробивавшейся бородой и открытым лицом, на котором каждая мысль отражалась

быстрее, чем успевала оформиться.

— Что именно?

— Сегодня ночью опять приходил гонец.

— Откуда?

Степан пожал плечами.

— Не знаю. Его впустили через западные ворота.

— Кто впустил?

— Сторожа.

— Какие?

Парень замялся.

— Не знаю...

Алексей внимательно посмотрел на него.

— Не знаешь или не хочешь говорить?

Степан покраснел.

— Не велено.

— Кем?

— Ты и сам догадаешься.

Алексей догадался. Во дворце начали скрывать друг от друга даже самые простые вещи. Это означало только одно - князь никому больше не доверял. Или кто-то очень хотел, чтобы все думали именно так.

...

Якова он нашел в писцовой палате. Тот сидел за длинным столом, переписывая какую-то грамоту. Услышав шаги, он аккуратно положил перо.

— Ты пришел спросить о втором списке.

Алексей остановился.

— Значит, он существует.

Яков едва заметно улыбнулся.

— Я не говорил этого.

— Уже сказал.

Писец вздохнул.

— Иногда мне кажется, что тебе следовало стать не воином, а судьей.

— Судья ищет виновного. Я ищу того, кто хочет, чтобы виновным оказался другой.

Яков поднялся, подошел к двери, осторожно выглянул в коридор, закрыл дверь на деревянный засов. Лишь после этого подошел к тяжелому сундуку.

Из-под стопки пергаментов он вынул небольшой свиток.

— Это не должен видеть никто.

— Даже князь?

— Особенно князь.

Алексей медленно развернул пергамент. Это действительно был список. Но совсем другой. В нем не было имен. Только знаки. Крест, полумесяц, сокол, башня, ключ и меч. И возле каждого стояли короткие пометки, сделанные разными почерками.

— Что это?

— Не знаю.

— Откуда он у тебя?

Яков долго молчал.

— Нашел.

— Где?

— В библиотеке.

— Врешь.

Писец не обиделся.

— Конечно.

Но другого ответа пока не будет. Алексей внимательно рассматривал лист. Вдруг его взгляд остановился. Возле изображения ключа кто-то едва заметно нацарапал еще один знак. Косой крест. Тот самый. Он поднял глаза.

— Ты видел этот знак раньше?

Яков побледнел. Совсем немного. Но этого оказалось достаточно.

— Нет.

— Опять врешь.

Писец отвернулся к окну.

— Иногда правда опаснее лжи.

— Для кого?

— Для того, кто ее услышит.

...

После полудня Алексей отправился к западным воротам. Старый знакомый - старший стражник Лазарь встретил его без особой радости.

— Чего тебе?

— Ночью приезжал гонец.

— Приезжал.

— Кто впустил?

— Я.

— Почему запись не сделана?

Лазарь молчал.

— Отвечай.

— Был приказ.

— Чей?

Стражник посмотрел по сторонам. Потом тихо произнес:

— Не княжий.

Алексей почувствовал, как внутри все похолодело.

— Тогда чей?

Лазарь сжал губы.

— Не скажу.

— Боишься?

— Да.

— Князя?

Стражник отрицательно покачал головой.

— Тогда кого?

Лазарь неожиданно перекрестился.

— Того, кто узнает, что я сказал.

...

Возвращаясь во дворец, Алексей заметил нищего. Тот сидел возле дороги уже второй день. Слепой старик с деревянной чашей. Таких людей никто не замечал. Именно поэтому они замечали всех.

Алексей бросил в чашу медную монету. Старик не ожи-

данно произнес:

— Поздно ищешь.

Алексей остановился.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда почему так сказал?

Старик улыбнулся.

— Потому что человек, которого ты ищешь, уже нашел тебя. Алексей внимательно посмотрел на него. Глаза старика действительно были мутными. Но слишком точно он повернул голову.

— Ты не слепой.

Старик засмеялся. Тихо. Почти беззвучно.

— Иногда зрячим лучше казаться слепыми.

В эту секунду рядом прогрохотала телега. Лошади испуганно заржали. Несколько человек бросились удерживать груз.

Когда Алексей снова посмотрел на старика, того уже не было. На земле осталась только деревянная чаша. И еще одна серебряная византийская монета. На ее ребре был выцарапан крест.

Алексей поднял монету. Она была теплой. Словно еще мгновение назад ее держали в руке. Он медленно обернулся. Люди спокойно шли по дороге. Крестьяне везли сено. Монах разговаривал с женщиной у колодца. Двое мальчишек гнали гусей. Никто не обращал на него внимания.

И все же Алексей был уверен. Кто-то сейчас наблюдал за ним. Совсем рядом. Из толпы. И впервые за много лет он почувствовал то, что редко испытывал даже в бою. Не страх. Предчувствие...

Глава 4

«Печать хранит не тайну. Она хранит право открыть ее в нужный час.»

След на сырой земле

Ночь прошла беспокойно.

Над Боголюбовом долго висели тяжелые облака, скрывшие луну, а перед самым рассветом пошел короткий теплый дождь. Он смочил пыль на дорогах, прибил к земле запах полыни и молодой крапивы, напоил влагой белокаменные стены дворца. Когда первые лучи солнца коснулись верхушек дубов, капли еще дрожали на листьях, вспыхивая золотом при каждом порыве легкого ветра.

Алексей любил такие утра. Дождь смывал многое. Но никогда не смывал человеческую глупость. А иногда оставлял на земле то, что в сухую погоду никто бы не заметил.

Он вышел за западные ворота сразу после рассвета. У ворот его уже ждал Лазарь. Старший стражник выглядел так, словно не сомкнул глаз всю ночь. Лицо осунулось, под глазами легли темные круги.

— Ты вернулся, — негромко сказал он.

— А ты думал, не вернусь?

Лазарь криво усмехнулся.

— После вчерашнего многие не возвращаются.

Алексей внимательно посмотрел на него.

— Что случилось ночью?

Стражник ответил не сразу.

— Один человек умер.

— Кто?

— Конюх.

— Старый Федор?

— Нет. Молодой. Данила.

Алексей нахмурился.

Он помнил Данилу. Веселый парень, лет двадцати пяти. Любил лошадей больше людей и всегда первым здоровался при встрече.

— Как умер?

— Упал.

— Откуда?

— Со стены.

Алексей медленно перевел взгляд на крепостной вал. Стена была невысокой. Упасть с нее можно было. Но разбиться насмерть...

Он покачал головой.

— Покажи...

Данилу уже унесли. На сырой после дождя земле остался темный отпечаток человеческого тела. Возле него стояли двое дружинников. Они расступились. Алексей присел на корточки. Дождь оказался неожиданным помощником. Мяг-

кая земля сохранила множество следов. Следы самого Данилы. Следы людей, которые потом подбежали. Следы сапог стражников. Но было еще кое-что.

Совсем рядом отпечатался сапог с необычной подошвой. Носок широкий. Пятка подбита тремя железными заклепками. Такие сапоги редко носили на Руси. Алексей осторожно приложил ладонь к следу. Глубокий. Человек был тяжелым. Или нес на себе большой груз.

— Кто первым нашел тело?

— Я, — ответил один из дружинников.

— Он лежал так же?

— Да.

— Никого рядом не было?

— Никого.

Алексей поднялся.

— Лжешь.

Дружинник вздрогнул.

— Почему?

— Потому что здесь два разных следа.

Он показал рукой.

— Данила шел от стены. А этот человек шел к нему. И обратно уже не возвращался.

Все молчали. Лазарь подошел ближе.

— Может быть, след старый?

Алексей отрицательно покачал головой.

— Нет.

Дождь прошел ночью. След появился после дождя. Значит, совсем недавно.

Он снова посмотрел на отпечаток. Три железные заклепки. Ему казалось, что где-то он уже видел такую обувь. Но где?

Конюшня встретила запахом сена и овса... Лошади беспокойно перебирали копытами. Старый конюх Елисей долго крестился, прежде чем начать разговор.

— Добрый был парень...

— Данила?

— Да.

— Были у него враги?

— У кого их нет...

— Я спрашиваю серьезно.

Старик задумался.

— Неделью назад он с кем-то поссорился.

— С кем?

— Не знаю. Вечером пришел злой. Сказал только одно:

"А я все равно расскажу."

— Что расскажет?

Елисей развел руками.

— Не успел.

Алексей почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Люди редко умирают случайно после таких слов.

— Кому он это говорил?

— Сам себе.

— Ты уверен?

— Я стоял рядом. Он никого не видел. Только повторял:

"А я все равно расскажу..."

На выходе из конюшни Алексей столкнулся с монахом. Высокий старик в черной рясе медленно шел к дворцовой церкви. Они уже почти разминулись, когда монах неожиданно произнес:

— Иногда Господь открывает человеку истину.

— А иногда?

— Иногда посылает молчание.

Алексей остановился.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда почему говоришь со мной?

Монах посмотрел на него удивительно ясными глазами.

— Потому что ты ищешь убийцу.

— Какого?

— Пока еще никакого. Но скоро начнешь.

Он перекрестился и пошел дальше.

Алексей долго смотрел ему вслед. За последние два дня слишком много незнакомых людей знали о нем больше, чем должны были. Это переставало быть случайностью...

После полудня он отправился в оружейную. Старый кузнец Мирон не любил пустых разговоров. Он только мельком взглянул на след, который Алексей нарисовал углем на дощечке.

— Такие сапоги делал не наш мастер.

— Почему?

— Железные заклепки ставят на юге.

— Где именно?

— В Киеве.

— Или?

Мирон немного подумал.

— Или у греков.

— Византия?

— Может быть.

— У нас такие есть?

Кузнец покачал головой.

— Очень мало. Богатые купцы. Послы. Иногда наемники.

Дружинники таких не любят. Слишком скользкие.

Алексей почувствовал, что ниточка стала чуть длиннее. Византийская монета. Незнакомец с футляром. Необычная обувь. Все это словно тянулось к одному месту. Но он пока не понимал — к какому...

Вечером Яков снова пришел сам. На этот раз он выглядел испуганным. Настолько, что даже не попытался скрыть этого.

— Нам надо поговорить.

— Здесь?

— Нет.

Они вышли за дворцовую ограду и поднялись на невысокий холм. Солнце уже клонилось к закату.

Красный свет ложился на пойму Нерли, превращая реку в длинную полосу расплавленной меди. Над водой медленно кружили чайки, а из прибрежных зарослей доносилось стрекотание кузнечиков. Казалось, сама природа ничего не знала о человеческих страхах и заговорах.

Яков долго молчал. Потом тихо сказал:

— Я вспомнил, где видел косой крест.

Алексей ничего не ответил.

— Это не знак рода. Не знак дружины. И не монашеский символ.

— Тогда что?

Яков оглянулся. Убедился, что поблизости никого нет. И почти шепотом произнес:

— Так помечали людей, которые приносили тайную присягу.

— Кому?

Писец медленно покачал головой.

— Именно этого я не знаю. Но если моя догадка верна...

Он не договорил. Из-за кустов раздался хруст ветки. Оба одновременно обернулись. Никого. Лишь ветер качал молодые березы.

Алексей молча вытащил меч. Осторожно подошел к кустарнику. За ним никого не оказалось. Только примятая трава. И свежий след тяжелого сапога с тремя железными заклепками на каблуке.

Глава 5

«Колокол созывает людей к молитве. Но иногда он первым возвещает о человеческом грехе.»

Человек в черном

На следующий день жара пришла рано.

Солнце поднялось над лесом еще до того, как роса успела исчезнуть с лугов. Над поймой Нерли клубился легкий пар, а воздух был неподвижен, словно сама природа затаилась в ожидании чего-то неизбежного. Ласточки летали низко над водой, ловя насекомых, и старики говорили, что к вечеру непременно будет гроза.

Алексей никогда не верил приметам. Но верил людям. А люди с каждым днем становились все тревожнее. Он почти не спал. След тяжелого сапога не выходил у него из головы.

Тот, кто подслушивал их разговор с Яковом, не прятался случайно. Он знал, где они будут. Значит, кто-то заранее сообщил ему место встречи. Оставалось понять — кто.

Утром Алексей первым делом направился к западной башне. Лазарь уже стоял на стене, глядя на дорогу.

— Сегодня спокойно, — сказал он, не оборачиваясь.

— Спокойствие бывает перед бурей.

— Или после нее.

Алексей подошел ближе.

— Ты служишь здесь давно?

— Двадцать второй год.

— Тогда ответь мне честно.

Лазарь помолчал.

— Попробую.

— Во дворце всегда было столько чужих людей?

Стражник нахмурился.

— Каких чужих?

— Купцов. Паломников. Послов. Монахов.

— Нет.

— А теперь?

Лазарь тяжело вздохнул.

— Последние две недели их стало слишком много.

— Почему никто не проверяет, кто они?

— Проверяют.

— И что?

— Все бумаги в порядке.

Алексей медленно кивнул. Именно этого он и опасался.

Когда бумаги в полном порядке, чаще всего не в порядке люди...

В княжеской канцелярии царила необычная суета. Яков торопливо перебирал свитки, складывая их в большие кожаные мешки.

— Что случилось?

Писец поднял голову.

— Князь приказал перенести часть архива.

— Куда?

— Не сказал.

— Зачем?

— Тоже не сказал.

Алексей внимательно посмотрел на свитки.

— Какие именно грамоты выносите?

— Старые.

— Насколько старые?

— Еще времен Юрия Долгорукого.

Это насторожило его.

— Почему именно они?

— Не знаю.

— А если подумать?

Яков перестал работать.

— Иногда мне кажется, что князь чего-то боится.

— Он давно чего-то боится.

— Нет.

Писец покачал головой.

— Теперь иначе. Он боится не за себя.

Эти слова заставили Алексея задуматься. До сих пор все говорили только о самом князе. Но если опасность грозила не ему... То, кому?..

К полудню во двор въехал небольшой обоз. Две повозки. Несколько вооруженных всадников. Трое монахов. И человек в длинной черной одежде. Не в монашеской. Не в боярской. Ткань была слишком дорогой, но без всяких украшений. Он ехал с опущенной головой. Лица почти не было видно.

Начальник стражи лично вышел ему навстречу. Поклонился. И сразу проводил внутрь дворца.

Алексей проводил их взглядом.

— Кто это?

Стоявший рядом конюх пожал плечами.

— Не знаю.

— Разве тебе не сказали?

— Нет.

— А лошадей чьих принимаешь?

— Мне велели только накормить.

Странно. Во дворце знали почти обо всех приезжих. Об этом человеку не говорил никто. Словно его здесь и не было...

Через час Алексей случайно встретил князя. Андрей Боголюбский шел по крытой галерее в сопровождении двух дружинников. Увидев Алексея, остановился.

— Ты что-нибудь нашел?

— Пока только вопросы.

Князь едва заметно улыбнулся.

— Значит, идешь верной дорогой.

— Сегодня приехал какой-то человек.

— Да.

— Кто он?

Улыбка исчезла.

— Не спрашивай.

— Если это касается вашей безопасности...

— Именно поэтому не спрашивай.

Андрей внимательно посмотрел ему в глаза.

— Есть вещи, о которых лучше не знать.

— Для кого?

— Для всех.

Князь ушел, оставив Алексея в еще большем недоумении. Он впервые видел Андрея Боголюбского таким. Не испуганным. Но... усталым. Словно он уже принял решение, последствия которого невозможно изменить...

Ближе к вечеру Алексей решил осмотреть комнаты, приготовленные для гостей. Большинство были пусты. В одной спали монахи. В другой разместились сопровождавшие обоз дружинники. Последняя дверь оказалась заперта. Из-за нее не доносилось ни звука.

Алексей уже хотел уйти, когда услышал негромкий кашель. Потом шаги. Очень медленные. Он постучал. Никто не ответил. Постучал снова. Тишина. И вдруг дверь приоткрылась всего на ладонь. В темной щели показалось лицо пожилого человека. Худое. С бледной кожей. Глаза были необычайно светлыми.

— Что тебе?

— Я хотел узнать, удобно ли вам.

Человек долго смотрел на него.

— Ты не слуга.

— Нет.

— Тогда зачем пришел?

— Любопытство.

Старик чуть улыбнулся.

— Любопытство убивает быстрее меча.

Дверь начала закрываться. Но Алексей успел заметить одну странность. На столе, освещенном свечой, лежала карта. Не пергамент с текстом. Не грамота. Именно карта. На ней были изображены русские земли. И почти все крупные города были перечеркнуты тонкими красными линиями.

Дверь закрылась. Алексей еще несколько мгновений стоял неподвижно. Карты на Руси были большой редкостью. А такие подробные — редкостью почти невероятной. Зачем незнакомцу понадобилась карта княжеств?

Поздно вечером Яков снова пришел к Алексею. На этот раз он выглядел настолько взволнованным, что даже не поздоровался.

— Его нет.

— Кого?

— Данилы.

— Мы знаем.

— Нет...

Яков покачал головой.

— Нет тела.

Алексей не сразу понял смысл сказанного.

— Как нет?

— Его должны были похоронить сегодня. Когда открыли сарай... Тело исчезло.

Несколько секунд оба молчали. Потом Алексей тихо произнес:

— Кто охранял?

— Двое дружинников.

— Где они?

— Один ничего не помнит. Второй исчез.

Алексей медленно подошел к окну. За рекой вспыхнула первая молния. Гром еще не докатился до Боголюбова. Но тяжелый ветер уже гнул вершины деревьев.

Он смотрел на темнеющее небо и вдруг понял одну простую вещь. До сих пор он искал человека, который скрывается. Теперь появился человек, который замечает следы. А это почти всегда были разные люди.

Глава 6

Тень прошлого

Гроза пришла ночью.

Она налетела с востока, словно невидимое войско. Небо затянуло свинцовыми облаками, ветер согнул молодые березы, а молнии одна за другой разрывали темноту над рекой. Казалось, сама земля вздрагивала от тяжелых ударов грома. Затем дождь обрушился на Боголюбово плотной стеной, смывая пыль с дорог и стекая по белым стенам дворца тонкими серебряными ручьями.

К утру все стихло.

Воздух стал прозрачным, будто его очистили неведомые силы. Листья деревьев блестели, птицы пели особенно звонко, а над Нерлью медленно поднимался легкий туман.

Алексей сидел на высоком берегу, глядя на реку. Иногда

ему казалось, что вода мудрее людей. Она никогда не спорила. Не мстила. Не лгала. Она просто текла туда, куда вело ее русло. Человек же всю жизнь пытался изменить свое русло, а потом удивлялся, почему течение уносит его совсем не туда, куда он хотел.

Он поднял с земли небольшой камень и бросил его в воду. Круги медленно разошлись по гладкой поверхности. Один круг. Другой. Третий...

Он вспомнил слова старого дружинника, погибшего много лет назад.

«Запомни, Алеша. Ни один удар меча не заканчивается там, где он нанесен. Он идет дальше. Через годы. Через детей. Через целые княжества.»

Тогда Алексей не понял этих слов. Теперь понимал. Каждое убийство рождает новое. Каждая месть требует следующей. И если никто не остановится, кровь начинает жить собственной жизнью.

Он вдруг подумал, что, возможно, именно поэтому князь Андрей был так суров. Человек, который слишком долго правит, перестает видеть лица. Он начинает видеть только последствия.

Яков нашел Алексея у реки. Некоторое время молча стоял рядом. Потом спросил:

— Ты когда-нибудь жалел, что умеешь замечать больше других?

Алексей улыбнулся.

— Каждый день.

— Тогда почему продолжаешь?

— Потому что незамеченное зло не перестает быть злом.

Яков присел рядом. Они долго молчали. Иногда молчание говорило больше разговоров. Наконец писец тихо произнес:

— Ты знаешь, почему летописцы редко пишут правду?

Алексей посмотрел на него.

— Потому что боятся?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что правда живет только сегодня. А завтра она уже становится чьей-нибудь памятью. А память — странная вещь. Она не хранит события. Она хранит чувства. Если человек ненавидел — он запомнит ненависть. Если любил — любовь. И через двадцать лет оба будут уверены, что говорят правду. Хотя расскажут совершенно разные истории.

Алексей задумался.

— Значит, летопись — это тоже память?

— Конечно. Только память государства. А государство, как и человек, никогда не любит вспоминать собственные ошибки.

Эти слова надолго повисли между ними.

Вернувшись во дворец, Алексей решил еще раз осмотреть помещение, где лежало тело Данилы. Теперь оно было пустым. На полу еще оставались темные пятна влаги. В углу валялся обрывок веревки. И больше ничего. Он уже собирался

уходить, когда заметил едва заметную царапину на внутренней стороне двери. Очень тонкую. Будто кто-то провел острым ножом. Он присел.

Царапин оказалось три. Одинаковой длины. Параллельных. Не случайных. Кто-то оставил знак. Но для кого?

Он осторожно коснулся дерева пальцами. Древесина была свежей. Знак появился совсем недавно.

За спиной раздались шаги.

— Что ищешь?

Это был Мирон-кузнец. Он принес новые дверные петли. Алексей показал ему царапины.

— Ты такое видел?

Кузнец долго рассматривал дверь. Потом покачал головой.

— Не наши.

— Почему?

— Наш человек режет уверенно.

А здесь рука колебалась. Человек не привык работать ножом.

— Воин?

— Скорее писец.

Или... Он неожиданно замолчал.

— Или кто?

Мирон оглянулся.

— Грек.

— Почему именно грек?

— Потому что такие знаки я видел давно. Еще при твоём князе Юрии. Их оставляли византийские мастера на ящиках с книгами.

Алексей медленно выпрямился. Опять Византия. Моне-та. Обувь. Карта. Теперь еще и этот знак. Слишком много совпадений. Он уже почти не верил в совпадения.

В тот же вечер князь Андрей долго молился один в дворцовой церкви. Священник давно ушел. Свечи почти догорели. Через узкие окна пробивался мягкий свет заходящего солнца. Андрей стоял неподвижно. Потом тихо произнес:

— Господи... если человек не знает, где кончается его воля и начинается Твоя, как ему не ошибиться?

Ответом была тишина. Именно в такие минуты великие князья становились просто людьми. Не властителями. Не победителями. Не судьями. А людьми, которым тоже страшно ошибиться.

Когда князь вышел из храма, возле крыльца его ожидал человек в черной одежде. Тот самый, что прибыл накануне. Они не поклонились друг другу. Не обменялись приветствиями. Словно давно знали один другого.

— Вы приняли решение? — тихо спросил незнакомец.

— Еще нет.

— Времени остается мало.

— Я знаю.

— Если промедлить, выбирать будут уже другие.

Князь долго смотрел на темнеющее небо.

— Иногда мне кажется, что человек не выбирает свою судьбу.

Он выбирает только цену, которую за нее заплатит. Незнакомец внимательно посмотрел на него.

— Это мудрые слова.

— Нет.

Андрей грустно улыбнулся.

— Это слова старого человека.

Они еще немного постояли молча. Затем князь повернулся и медленно пошел к дворцу. Человек в черном остался один. Он дождался, пока князь скроется за дверями. После чего вынул из рукава небольшой свиток. Развернул его. На пергаменте было написано всего одно слово.

«Начинать».

Незнакомец долго смотрел на него. Потом поднес свиток к свече. Огонь быстро побежал по сухому пергаменту. Через несколько мгновений от него осталась лишь горстка черного пепла, которую вечерний ветер унес в сторону реки.

Глава 7

Печать без имени

Утро выдалось прохладным.

После ночной грозы воздух наполнился запахом мокрой земли, хвои и молодой травы. Солнце еще не поднялось высоко, и длинные тени старых дубов лежали поперек дороги, словно темные полосы, разделявшие вчерашний день и сегодняшний. В такие часы мир казался чище. Даже челове-

ские мысли становились спокойнее.

Но Алексей давно заметил одну странность. Чем прекраснее было утро, тем чаще оно приносило дурные вести.

Он вышел во двор, когда монастырский колокол созывал братию к утренней службе. Навстречу ему почти бегом шел Яков. Писец был бледен. В руке он держал небольшой холщовый сверток.

— Нашел?

— Не я.

— Тогда кто?

— Один мальчишка. Он пас гусей за старым яблоневым садом.

Алексей молча взял сверток. Внутри лежала восковая печать. Она была расколота пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.